

Глава первая

– Можно? – сказал я и открыл дверь класса.

– Можно, – сказал учитель.

Класс был узкий и длинный, с низкими потолками, с коричневыми шербатыми стенами, с большим портретом Ворошилова над доской. В этой банной, сыроватой полутьме все лица были мне незнакомы, все, кроме этого, но и оно смотрело на меня со спокойной суровостью, точно спрашивая ответа за опоздание.

– Ты тот самый мальчик, о котором говорил мне директор? Эвакуированный?

– Да, мы приезжие, – сказал я.

Мне не нравилось это слово – «эвакуированный».

– Вы эвакуировались из Ленинграда? – сказал учитель.

– Мы приехали из Москвы, – ответил я.

Он взял замерзшими, негнушимися руками журнал и спросил:

– Фамилия?

– Островский.

– Видишь, какая у тебя фамилия! Ты должен быть достоин ее.

– Почему же? – сказал я. – Просто это очень частая фамилия. Островских много, и все они не могут быть достойными.

– Островский, хватит рассуждать. Садись на место и не срывай мне урок.

– А куда мне садиться?

Все места были заняты, все до одного. Сидели ученики восьмого класса и смотрели на меня. Сидели белые, и черные, и рыжие, сидели жирные, те, кого называют «жиртрестами», и тоненькие, по прозвищу «спичконожки», сидели двоечники и отличники; сидели тремя ровными колонками. «Камчатка» ныряла под парты и строила рожи, передние тихо тарасили на меня глаза, кто-то спокойно храпел, кто-то играл в «морской бой», но все сидели, все были здесь старожилками, а я был новичком. И я стоял, ждал.

– Я же просил директора новых эвакуированных посылать в восьмой «Г». А он их шлет ко мне.

Учитель был расстроен... И я быстро пошел к двери. Как-нибудь я существовал без них всю свою жизнь, и сейчас я тоже проживу без них.

Строгий портрет смотрел на меня; не знаю, что было в его глазах – они были прищурены.

«Я не виноват, – тихо сказал я ему. – Они сами так сделали, что я ухожу».

Я открыл дверь.

– Мальчик, нельзя быть таким недисциплинированным. Мальчик!.. – Он, видно, забыл мою фамилию и пошарил рукой по желтому, измученному лбу, словно выискивая ее там. Но он так и не нашел ее и сказал: – Садись, пожалуйста, мальчик.

— Куда? — Я пожал плечами.

Я чувствовал, что злю его. Может быть, этого не стоило делать. Он был старый и, кажется, не очень умный. Впрочем, если бы он был умнее и моложе, его бы взяли на фронт. А такой он не нужен фронту. Нет, я не собирался его злить. Но так уж сложилось. И потом, он сам начал про фамилию, и сейчас тоже — он сажал меня на место, а места не было.

Он встал со стула и подошел к доске.

— Бери мой стул и садись во второй ряд. Садись, садись быстрее.

Я взял стул и поставил его в конец третьей колонки. Все ученики сидели за партами, а я на стуле. Я вспомнил пословицу: «Что я, рыжий, что ли?» Сегодня я был «рыжий». И мне стало интересно и весело.

А рядом со мной на последней парте, почти касаясь моих плеч, сидел парень с темным лицом и черными узкими глазами. Он был одет в гимнастерку, и медные пуговицы на ней были тщательно натерты и сверкали. И все у него сверкало: не только медные пуговицы, но и черные волосы, и яркие зубы, и в особенности — злым, едким, каким-то опасным для меня блеском — узкие, длинные глаза. Он сидел чуть ссутулясь и привалясь к парте, крючконосый, со стриженной ежиком головой, похожий на маленького кондора, неподвижного, как кусок дерева, застывшего до поры до времени. Но вот он как ударит

крылами, как рванется, как метнет свой клюв меж тонких прутьев зоопарковой решетки...

– Как тебя зовут? – прошептал я.

Он не только не ответил, но даже не повернулся, ни один мускул лица у него не дрогнул, и я понял: «птица» не хочет понимать моего языка. «Ну и черт с тобой, придурок», – мысленно сказал я ему и отвернулся, не замечая его, считая никем: ни птицей, ни человеком, а просто неподвижным, грубым куском дерева, обыкновенным чурбаном. И я включился в жизнь, идущую в начале класса, у доски, и отдельную от нашей жизни на «камчатке». К доске вызвали ученика.

– Фролов, ты прочтешь нам стихотворение «Два великана», скажешь, кто его написал и каково его общественно-историческое значение.

Фролов повел затекшей шеей и сказал расслабленным, умиротворенным голосом:

– Его написал великий русский поэт... – Он улыбнулся, улыбка у него была добрая и чуть просящая. – Пушкин его написал, – неожиданно грубым голосом закончил Фролов.

– А если подумать? – сказал учитель. Нет, он вовсе не удивился: видно, от этого Фролова можно было ожидать всего. – А если подумать? – мягко повторил учитель.

– Лермонтов, – небрежно и даже презрительно, словно сплевывая, сказал Фролов.

– Прочитай наизусть.

Фролов задумался.

– Ну, в шапке золота литого... Ну, старый русский великан... так, ну, приглашал к себе другого...

Он ронял слова все так же лениво, будто семечки лузгал, и улыбался большим красивым ртом, и был выше Лермонтова, и учителя, и обоих великанов, даже если бы они встали один на другого. И я понял, кто он. Он – оголец. Были в то время такие огольцы в кепчонках-малокозырках. Они стояли у дворов и курили, и разговаривали вот так же нехотя и лениво, а голоса у них были всё же взвинченные, и только матерились они щедро, легко. Много их толкалось – не сосчитаешь. Но только они были замызганные и некрасивые, а этот красивый, с белым чистым лицом, с ясными круглыми бровями, с крупным мужским ртом; по-моему, он был сибиряк. Такими я представлял себе сибиряков.

– Ну а дальше? – сказал учитель.

– Ну и дальше в том же духе.

– Фролов, четверть кончается, а у тебя «плохо».

– Бывает.

– Фролов, – тихо сказал учитель и со странным удивлением посмотрел в чуть влажные, светлые глаза Фролова, – ты советский человек или нет?

– Конечно, – сказал Фролов, – я русский человек, не кто-нибудь.

– Нет, – сказал учитель. Старые щеки его стали румяными, а все лицо возбужденным, недобрым

и молодым. – Нет, – повторил он. – Идет война, твои старшие братья умирают за честь русского народа, а ты не знаешь и не хочешь знать этих патриотических стихов великого русского поэта, прославившего мощь твоей страны. Нет, нет, Фролов! – Голос его внезапно сник, и глаза поскущели, точно он понял что-то неведомое нам, такое, что не даст ему больше ни волноваться, ни кричать, и он сказал тихим, будто треснувшим от необычайного напряжения голосом: – Просто ты, Фролов, ленивый, нелюбопытный, плохой мальчик.

– Я учил, – жалобно-развязным голосом сказал Фролов. – Я учил, я знаю. За что вы мне «плохо» ставите?

– Садись, садись, Фролов! Садись, не канючь, ради бога!

Фролов подошел к столу, жалобно посмотрел на учителя и тут же легким, незаметным движением снес со стола свой дневник с еще не проставленной оценкой. Дневник упал, и Фролов протянул длинную руку, по-обезьяньи кончиками пальцев схватил дневник и незаметно сунул в карман. И пошел на место. Учитель поискал дневник и, не найдя его, сделал рукой: ах, мол, ну да все равно.

Потом он поднял глаза на класс, обвел три ровных ряда, сказал:

– Кто знает эти стихи?

Что-то во мне заньло.

– Я знаю! – крикнул я.

– Иди к доске, – сказал учитель.

Я пошел, в классе стало тихо.

— Эти стихи, — дрогнувшим и радостным голосом произнес я, — написал Михаил Юрьевич Лермонтов. Они посвящены Кутузову и Наполеону. Кутузов победил Наполеона, разгромил войска захватчиков и доказал, что мы непобедимы. И сегодня эти стихи помогают нам громить ненавистного врага.

Я хотел говорить еще много, хотелось выговориться за все эти дни молчания и одиночества в незнакомом сибирском городе, в котором мне не к кому было зайти в гости, в котором я никого не знал и никто не знал меня. Мне хотелось говорить и говорить о войне, и о победе, и о том, что мой московский классный погиб в ополчении. Но учитель не дал мне.

— Правильно, — сказал он. — Ты правильно понял патриотический смысл этих стихов. Наизусть знаешь?

— Знаю, — торопливо, боясь, что он снова прервет меня, произнес я и начал громко читать:

В шапке золота литого
Старый русский великан...

— Хватит, — сказал учитель. — Садись, «отлично».

Я опустошенно шел к своему стулу. Мой сосед молча смотрел на меня то ли с ненавистью, то ли с удивлением.

«Какое у него темное лицо, — подумал я. — Кто он? Таджик, узбек или он негр?»

Урок кончился. Ушли ребята. Ушли духота, шепот, напряжение. Остались тишина, сырость, тускло мерцающая доска и большой квадратный портрет над дверью. Но вот дверь тихо открылась, и Фролов вошел в класс. Он быстро, чуть улыбаясь, опустил глаза, шел ко мне. А за ним, словно забыв что-то в классе, вошел темный маленький мой сосед. Фролов все улыбался и все глядел на меня, потом он подошел ко мне вплотную и сказал вполголоса, доверительно:

– Откуда ты такой, падла эвакуированная!

Темный, маленький все искал что-то в парте, то ли тетрадь, то ли учебник, искал, нагибался и громко шуршал бумагой. Я ждал. Фролов быстро провел ладонью по моему лицу, по моим глазам, по моему носу, по моим губам. Он провел своей потной, должно быть нечистой, рукой и, неожиданно нагнувшись, головой боднул меня в лицо. Но я сделал шаг влево, один короткий шаг влево, и он промахнулся. Ложась всем телом на правую руку, я ударил его в белый с глубокой ямочкой подбородок, и он упал на переднюю парту. Вот этого он не знал: не знал, что промахнется. И еще он не знал, что я так точно ударю его снизу, и что он упадет спиной на доску парты, и что я подбегу к нему и плюну в него.

Он встал, рванулся и закричал, обращаясь ко второму:

– Бери его!

Но он не знал, что второй будет молчать и, словно бы раздумывая, смотреть то на меня, то на него. Фролов встал шатаясь, нагнулся и, избычившись, головой вперед снова пошел на меня. Но он шел не твердо и медленно, и я успел ударить его.

На сей раз он удержался на ногах, чуть покачиваясь, пошарил рукой в воздухе, будто хотел за что-то зацепиться, затем тяжело прыгнул влево, схватил учительский стул и поднял его над моей головой. Стул сначала мелькнул, затем перевернулся над моей головой, но кто-то с силой вышиб его из рук Фролова, и стул полетел на пол, подпрыгнув, будто был резиновый, и оцетинившись тонкими злыми ножками.

— Это уже слишком, — сказал черный и посмотрел на Фролова. — Руками дерись, ногами дерись, а ножом не дерись. И стулом тоже не дерись! Понял?

Фролов молчал. Он тяжело дышал и смотрел на меня прищурившись, затравленными, красивыми глазами. Он вытирал лицо и что-то обдумывал. Может быть, он ждал следующей перемены.

А эта перемена уже кончилась. Звенел звонок. Начинался новый урок, новый предмет и новый учитель.

Впереди было еще много уроков.